

Глава I

Споры о Термидоре

Как это не удивительно, период термидорианского Конвента по сей день остается одним из наименее изученных моментов в истории Революции, даже несмотря на то, что принятая в то время конституция рассматривалась современниками не только как последнее крупное деяние Национального конвента, но и итог его работы. Она должна была, по замыслу своих создателей, закончить Революцию, стать венцом всех шести лет революционных бурь, принести стране спокойствие, процветание и стабильность, прочное, а не временное и революционное, правительство. Однако в исторической литературе о Конституции III года Республики, как правило, говорится вскользь, в лучшем случае анализируются основные ее положения, а механизм выработки и утверждения остается за рамками исследований.

Во многом то же самое можно сказать и о Термидоре в целом. Существующие на сегодняшний день исследования, по большей части, либо посвящены отдельным событиям этого периода (как, например, восстаниям в жерминале и прериале), либо представляют собой общие труды исторического и юридического характера.

Из классических работ, посвященных Конституции III года, практически единственной является небольшая статья выдающегося французского историка А. Олара, опубликованная в журнале «Французская революция» еще в 1900 году¹ и представляющая собой расширенный вариант соответствующей главы из его широко известной книги «Политическая история Французской революции». Олар рассматривает Конституцию III года прежде всего как итог опыта прошедших лет, вобравший в себя все лучшее, что было достигнуто

¹ Aulard A. La Constitution de l'an III et la République bourgeoise // La Révolution française. 1900. Vol. 38. P. 113-160.

при якобинской диктатуре, а утвердивший ее референдум – как голосование по вопросу о доверии Конвенту. В последнее время к материалам Комиссии одиннадцати и обсуждению проекта Конституции III года в Конвенте помимо Ф. Брюнель обращался и ряд других исследователей, однако их интересовали лишь отдельные аспекты этих богатых источников. Так, например, К. Ле Бозек использовала эти документы прежде всего для изучения биографии Буасси д'Англа, члена Комиссии одиннадцати¹, Я. Боск уделил основное внимание разработке и принятию Декларации прав человека и гражданина², С. Абердама³ и П. Генифе⁴ в первую очередь интересовала проблема референдума и выборов 1795 года.

Конституцию III года изучали не только историки, но и юристы, хотя посвященные ей две диссертации 1949 и 1985 годов⁵ основаны лишь на опубликованных источниках и носят сугобо описательный характер. Ограничиваясь воссозданием каждодневных перипетий дискуссии, они больше напоминают работы средневековых хронистов, нежели научное исследование. Значительно более интересны исследования работы профессора права М. Тропера⁶, занятого в

¹ *Le Bozec C.* Boissy d'Anglas, un grand notable liberal. Aubenas d'Ardèche, 1995.

² *Bosc Y.* Le conflit des libertés. Thomas Paine et le débat sur la Déclaration et la Constitution de l'an III. Thèse. Université Aix-Marseille I – Université de Provence. 2000; *Idem.* Thomas Paine et les constitutions de 1793 et 1795: critique de la république formelle // Thomas Paine ou La République sans frontières. Nancy, 1993. *Idem.* Arrêter la Révolution, conserver la Révolution. Le débat sur les institutions de l'an III // Le tournant de l'an III. Aubenas d'Ardèche, 1997; *Боск Я.* «Арсенал для подстрекателей». (Декларация прав человека как программа практических действий) // Исторические этюды о Французской революции. Памяти В.М. Далина. М., 1998. С. 189-200.

³ *Aberdam S.* L'élargissement du droit de vote entre 1792 et 1795 au travers du denombrement du comité de division et des votes populaires sur les constitutions de 1793 et 1795. Thèse. Université Paris I – Sorbonne. 2001. Ch. 3/4.

⁴ *Gueniffey P.* Le nombre et la raison. P., 1993. Ch. XI; *Idem.* La Révolution ambiguë de l'an III: la Convention, l'élection directe et le problème des candidatures // 1795. Pour une République sans Révolution. Rennes, 1996.

⁵ *Galmiche P.* L'élaboration de la constitution de l'an III. La commission des onze. Thèse du Doctorat en Droit. P., 1949; *Singaraud J.-Ph.* Problèmes politiques et constitutionnels en France – germinal an III – messidor an IV. Thèse pour le Doctorat de troisième Cycle. P., 1985.

⁶ *Troper M.* La séparation des pouvoirs et l'histoire constitutionnelle française. P., 1980; *Idem.* La séparation des pouvoirs dans la constitution de l'an III. A paraître.

настоящее время подготовкой к печати комментированного текста Конституции 1795 года. Его хорошо аргументированные выводы идут вразрез с устоявшейся традицией, которая видит причины политической нестабильности Директории главным образом в плохой сбалансированности системы государственной власти. По мнению Тропера, термидорианцы, выступая за разделение властей, хотели лишь не допустить их сосредоточения в одних руках, а не установить баланс между исполнительной и законодательной властями, как полагает ряд других исследователей¹.

Еще в одной диссертации, автором которой является юрист, Ж.-П. Клеман, анализируются биографии трех членов Комиссии одиннадцати – Дону, Буасси д'Англа и Ланжюине². Автор рассматривает этих политических деятелей, прежде всего, как основоположников французского либерализма.

Среди относительно новых работ, посвященных Термидору, привлекают внимание книга Ф. Брюнель «Термидор»³, и уже упоминавшаяся монография Б. Бачко «Как выйти из Террора. Термидор и революция», которую сопровождала серия статей и выступлений на коллоквиумах, посвященных различным аспектам политической и культурной жизни того времени⁴. Для Ф. Брюнель события, связанные с принятием Конституции III года, – это «парламентский переворот», завершение Революции и, в какой-то степени, ее отрицание. Б. Бачко же рассматривает Термидор прежде всего как переосмысление прошлого, как «старость» Революции и вместе с тем ее ключевой момент, поскольку именно при Термидоре она впервые признает, что не в силах сдержать многих своих обещаний.

¹ См., например: *Sautel G. Histoire des institutions publiques depuis la Révolution française.* P., 1990. P. 249-250; *Szramkiewicz R., Bouineau J. Histoire des institutions.* P., 1992. P. 138-141.

² *Clement J.P. Essai sur les fondements d'une politique libérale à la fin du XVIIIe siècle et au début du XIXe siècle.* Daunou – Boissy d'Anglas – Lanjuinais. Thèse pour le doctorat d'état mention droit publique. P., 1974.

³ *Brunel F. Thermidor.* Bruxelles, 1989.

⁴ См., например: *Бачко Б. Культурный поворот III года Республики // ФЕ.* 2000. М., 2000; *Baczko B. Thermidoriens // Furet F. Ozouf M. Dictionnaire critique de la Révolution française (далее – DCRF).* P., 1988; *Idem. Les Girondins en Thermidor // La Gironde et les Girondins.* P., 1988.

Самое последнее исследование, непосредственно посвященное Термидору – монография известного итальянского историка С. Луццатто «Осень революции»¹. С его точки зрения, главная проблема периода состояла в том, что Конвент, считая себя выразителем общественного мнения, нарушал народный суверенитет и, таким образом, входил в конфликт с его защитниками.

Если на Западе заметно определенное оживление интереса к Термидору (не в последнюю очередь связанное с прошедшим двухсотлетием Революции), то в нашей стране последняя монография на эту тему была опубликована уже более полувека назад К.П. Добролюбским², став своеобразным итогом его многолетних усилий по осмыслению термидорианского периода³. Будучи, подобно всем советским историкам, сторонником классового подхода к изучению истории, Добролюбский рассматривал Термидор прежде всего через призму перехода от буржуазной демократии к установлению буржуазно-цензовой республики.

Однако небольшое количество специальных работ, посвященных проблемам трансформации политического режима в 1795 году, не мешает поставить вопрос, ответ на который, как мне видится, должен предшествовать рассмотрению более узких и конкретных сюжетов: как оценивали историки и современники термидорианский период⁴ Французской революции? В то же время, при явном

¹ *Luzzatto S. L'autunno della rivoluzione. Lotta e cultura politica nella Francia del termidoro. Torino, 1994.*

² *Добролюбский К.П.* Термидор. Одесса, 1949.

³ *Добролюбский К.П.* Новая экономическая политика термидорианского Конвента. Одесса, 1927; *Он же.* Экономическая политика термидорианской реакции. М.-Л., 1930; *Он же.* Пресса в Париже после 9 термидора // Исторические записки. Изд. Института истории АН СССР. 1938. № 3.

⁴ Стоит отметить, что в настоящее время французская историография начинает все более и более широко употреблять крайне удачный термин «le moment thermidorien», введенный в оборот Б. Бачко. (См., например: *Monnier R. L'espace public democratique. P., 1994. P. 189; Bosc Y. Le citoyen contre l'homme? // Recherches sur la Révolution. P., 1991. P. 131.*) Очевидно, что он избавляет как от оценочных суждений («термидорианская реакция»), так и от претензий на некую периодизацию. Я воздерживаюсь от его использования лишь в связи с трудностями достаточно благозвучного перевода на русский язык.

недостатке специальных исследований, количество книг, в которых эта проблема тем или иным образом затрагивается, воистину необозримо, что заставляет меня в данной монографии ограничиться лишь кратким обзором основных историографических течений¹.

1. Миф о конце Революции

Попытки дать оценку тому, что произошло 9 термидора, начались вскоре после самого переворота. И уже тогда мы можем увидеть зарождение тех двух полярных точек зрения, которые будут проходить красной нитью через всю историографию Революции.

Первую из них наиболее точно сформулировал один из термидорианцев, депутат Конвента Ф.А. Буасси д'Англа. Представляя в июне 1795 года проект новой конституции, он говорил: «День 9 термидора не был победой какой-либо партии, это была заря великой и благотворной революции. К Конвенту вернулась его энергия, чувство собственного достоинства». Всецело одобряя свержение «тирании», как тогда нередко именовали правление Робеспьера, Буасси не без гордости напоминал своим коллегам о тех усилиях, которые они предпринимали, чтобы «заставить воспрянуть впавшее в заблуждение общественное мнение, исправить порочные нравы, уничтожить дьявольские институты, отказаться от Террора и возвести на трон справедливость, облагородить власть, вернуть душам энергию, помыслам – правоту, мнениям – свободу»². При этом, подчеркивая свое стремление вернуться на новом этапе к истокам Революции, термидорианцы нередко называли себя «патриотами 1789 года», принципы которых, как писал один из современников, «равенство, свобода, единство и неделимость республики»³.

Другую точку зрения можно найти в работах Гракха Бабефа. «Осмелимся сказать, – писал он в том же 1795 году, – что, несмотря на все препятствия и сопротивление, революция шла вперед до 9

¹ Подробнее см.: *Бовыкин Д.Ю.* Термидор, или Миф о конце Революции // Вопросы истории. 1999. № 3. С. 149-161; *Он же.* Термидор: старые проблемы и новые споры // ФЕ. 2000. С. 88-102.

² *Moniteur.* № 281. Р.1131-1132.

³ *Archives Nationales* (далее – А.Н.), С 231, d.183 bis * 11/1. Doc. 38.

термидора и что с этих пор она стала отступать»¹. Его соратник Ф. Буонаротти впоследствии также не сомневался, что «роковой день 9 термидора» сообщил Революции «попятное движение»². В этот день, по мнению Бабефа, она была прервана, не завершена. Соответственно, необходим не возврат к принципам 1789 года, а продолжение Революции, что не под силу «патриотам 1789 года», чьи «души никогда не горели живым пламенем, зажженным чистой любовью к равенству и полной свободе». На такое способны только «патриоты 92 и 93 годов»³ – якобинцы.

Уже при Директории, как отмечал американский историк Р.Р. Палмер, ортодоксы рассматривали посттермидорианскую республику как сосредоточение небывалой коррупции и цинизма. Позднее у всех сторонников Наполеона стало правилом хорошего тона плохо отзываться о Республике, чье место заняла Империя⁴. Помимо этого, существовала и еще одна, сугубо эмоциональная причина подобных негативных оценок. При поверхностном изучении истории Революции термидорианский период казался «скучным» по сравнению с предшествующими и последующими⁵. Между мемуарами и историографией в этом плане прослеживается достаточно четкая и почти непрерывная связь. «Революция изменила пропорции, – писал Гид де Невиль, один из ее современников. – За преступлением последовало смешное»⁶. «Драма террора, с одной стороны, и Великой Империи, с другой, – в некотором роде

¹ *Бабеф Грахх*. Сочинения. М., 1977. Т. 3. С. 442.

² *Буонаротти Ф.* Заговор во имя равенства. М., 1948. Т. 1. С. 181.

³ *Бабеф Грахх*. Указ. соч. М., 1982. Т. 4. С. 44-45, 122, 113.

⁴ *Palmer R.R.* The Age of the Democratic Revolution. Princeton, 1964. Vol. 2. P. 212.

⁵ Ср., например: «Во всеобщих историях, рассказав о 9 термидора и переходя к последующим годам (до 18 брюмера), одновременно тусклым и скорбным, бурным и бесплодным, авторы кажутся охваченными скукой и отвращением. А сам читатель испытывает такое же ощущение, какое бывает, когда роман продолжает вяло тянуться после смерти главных героев». *Thureau-Dangin P.* Royalistes & Republicains. P., 1874. P. 1. О том же, в частности, писала и Ф. Брюнель. *Brunel F.* Sur l'historiographie de la réaction thermidorienne // *AHRF*. 1979. № 237. P. 456.

⁶ *Hyde de Neuville J.G.* Mémoires et souvenirs du baron Hyde de Neuville. P., 1888. Vol. 1. P. 118.

продолжает его мысль исследователь Директории М. Лайонс, – великие личности Робеспьера и Наполеона бросают на промежуточный период глубокую тень пренебрежения. Огромное количество книг, глав в книгах и статей, имеющих в заглавии или подзаголовке “От термидора до брюмера” иллюстрируют природу этого подхода»¹.

Однако подобное пренебрежение, идущее рука об руку с негативными оценками Термидора, характерно, скорее, для общих работ, тогда как основная дискуссия еще с конца XVIII в. Разворачивается, если воспользоваться метким определением Ф. Фюре, между сторонниками восемьдесят девятого и девяносто третьего года, то есть, иными словами, между сторонниками либерального антиабсолютистского течения и приверженцами якобинизма².

Данные термидорианцами оценки периода правления Робеспьера и собственной роли в Революции в той или иной степени нашли отражение в работах представителей либерального направления. Открыв, к примеру, знаменитого историка времен Реставрации О. Минье, мы читаем, что «ниспровергнув революционное правительство, термидорианская партия задумала основать другое и установить Конституцией III года порядок вещей практически удобоисполнимый, либеральный, правильный и прочный, взамен чрезвычайного и переходного состояния, в котором находился Конвент с самого начала своей деятельности»³.

Но в том же XIX в. появляется и иная историография Революции, которую принято называть «социалистической». Так, Л. Блан, для которого, правда, отнюдь не было характерно слепое преклонение перед режимом Террора, называл происходившее после 9 термидора не иначе как «контрреволюцией»⁴. «Социалистическую» и «якобинскую» традиции во многом продолжила и марксистская историография, подчеркивавшая при этом стадиальность развития

¹ Lyons M. France under the Directory. Cambridge, 1975. P. 2.

² Furet F. La Révolution dans l'imaginaire politique française // Le Débat. 1983. № 14. P. 176-177.

³ Минье Ф.О. История французской революции. СПб., 1901. С. 257.

⁴ См., например: Блан Л. История французской революции 1789 года. СПб., 1909. Т. XI. С. 224.

Революции, четко видимый вектор ее движения вперед. «За господством конституционалистов, – писал К. Маркс в работе “Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта”, – следует господство жирондистов, за господством жирондистов следует господство якобинцев. Каждая из этих партий опирается на более передовую. Как только данная партия продвинула революцию настолько, что уже не в состоянии ни следовать за ней, ни тем более возглавлять ее, – эту партию отстраняет и отправляет на гильотину стоящий за ней более смелый союзник. Революция движется, таким образом, по восходящей линии»¹. Из сказанного можно было бы сделать вывод о том, что и термидорианцы также двигали Революцию вперед, однако Ф. Энгельс недвусмысленно подчеркивал, что она «после 9 термидора была задушена алчной буржуазией»².

Те же самые две магистральные линии унаследовал и XX век. Первую из них лучше всего, с нашей точки зрения, обосновывает Фюре и историки его школы. Вместе с Д. Рише, соавтором нашумевшей книги «Французская революция», он отмечает, что этот период «оставил в нашей коллективной памяти довольно грустные воспоминания»³. Однако, предлагая рассматривать весь французский XIX век как борьбу между Революцией и реставрацией⁴, Фюре показывает, что «свержение диктатора [Робеспьера – Д.Б.], если и означало конец Террора, не означало конца Революции: оно просто открывало возможность, если Конвенту это, наконец, удастся, дать Конституцию Республике»⁵. В то же время, это и не конец народовластия: оно уже перестало существовать при Робеспьере. Это и не просто смена власти в результате переворота. «Речь идет о замене одного типа власти другим, и только в этом смысле о конце Революции»⁶.

Вместе с тем, уверен Фюре, нельзя закрывать глаза на преемственность событий до и после 9 термидора. «Это по большей части

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 8. М., 1957. С. 141.

² Там же. Т. 2. С. 563.

³ Furet F., Richet D. La Révolution française. P., 1973. P. 257.

⁴ Furet F. Penser la Révolution française. P., 1978. P. 16-17.

⁵ Furet F. La Révolution. P., 1988. P. 162.

⁶ Furet F. Penser la Révolution française. P. 122-123.

то же парламентское большинство, которое во времена Конвента последовательно поддерживало, или, скорее, оставляло свободу действий жирондистам, монтаньярам, а потом и термидорианцам, и которое затем превратилось в правящее чиновничество Директории»¹.

Иными словами, при Термидоре Революция отнюдь не окончилась, она лишь перешла в новое качество. Не отрицается и возврат ко многим идеям 1789–1791 годов, «буржуазия вновь открыто признает те цели, которые она никогда не теряла из виду: экономическую свободу, индивидуализм собственности, цензовый режим»². Своеобразную поправку к этим мыслям вводит ученик Фюре П. Генифе: «Смерть Робеспьера ознаменовала окончание наиболее неистового периода Революции. Она завершила ее наиболее утопическую и наиболее жестокую фазу, положив конец великой мечте 1789 года о полном переустройстве общества, абсолютном обновлении, новом золотом веке»³.

«Революция возвращалась на круги своя, – подводит итог Фюре, говоря о разработке Конституции III года. – Она вновь обсуждала Декларацию прав, суверенитет народа, представительство. Она старалась составить текст, который сделал бы невозможным всякий возврат к революционному правительству, которое называли “анархией”, режимом без законов, и закончить, наконец, 1789 год Республикой, управляемой разумом и собственностью»⁴.

Сходные мысли можно найти и у Палмера: «Французская Революция ни в коем случае не заканчивается в термидоре, – настаивал он еще в 60-е годы. – Термидор, в известном смысле, был позитивным аргументом в пользу революции. основополагающие либеральные и конституционалистские идеи всей революционной эры вновь заявили о себе»⁵.

Принципиально иную точку зрения отстаивала в XX веке «якобинская» и марксистская историография. «Мишле закончил

¹ Furet F. La Révolution. P. 163.

² Furet F., Richet D. Op. cit. P. 258.

³ Gueniffey P. La politique de la Terreur. P., 2000. P. 344.

⁴ Furet F. La Révolution. P. 171.

⁵ Palmer R.R. Op. cit. Vol. 2. P. 129-131.

свою историю революции 9 термидора, – отмечал А. Матъез, – точно все, что произошло после этого, не стоило рассказывать». Сам же он полагал, что этот период олицетворяет едва ли не все отрицательное, что может быть связано с революцией или же контрреволюцией¹.

Однако, исходя из этой отправной точки, западная марксистская историография постепенно смещала акценты с самого дня переворота на последовавшие за ним события 1795 года, в частности, на подавление народных восстаний в жерминале (апреле) и прериале (мае). При этом разрыв с теорией и практикой диктатуры монтаньяров рассматривался двояко. С одной стороны, как утверждал А. Собуль, «термидорианцы разрушили дело Революционного правительства и привели Республику к гибели»². С другой стороны, подчеркивалось, что погибла республика именно в якобинском понимании этого слова: «Поражение в прериале III года, надолго устранив народ с политической сцены, развеяв его надежду на социальную эгалитарную республику, позволило вновь вернуться к 1789 году и делу Учредительного собрания. На фундаменте экономической свободы и цензовой системы вновь была возведена буржуазная республика нотаблей. [...] 1795 год смыкается с 1789 годом, III год республики с I годом свободы»³.

С 1980-х годов происходит определенная модификация этих взглядов. И Термидор при этом нередко вновь рассматривается как конец не только якобинской республики, но и Революции в целом. В качестве примера можно привести слова Ф. Брюнель, полагающей, что «лето 1795, а не июль 1794 года означает настоящий разрыв, конец революции и, в какой-то мере, ее отрицание»⁴. С ее точки зрения, 1795 год – это отрицание не только 1793, но и 1791 годов. «Режим III года умер под грузом этого двойного отрицательного наследия, хотя и через четыре года: рекорд долгожительства»⁵. Французские историки Ф. Готье и Я. Боск, занимающиеся изучением

¹ *Mathiez A. La réaction thermidorienne. P., 1929. P. 4 et suiv.*

² *Собуль А. Первая республика. М., 1974. С. 201.*

³ Там же. С. 192, 195.

⁴ *Brunel F. Thermidor. P. 128.*

⁵ *Brunel F. Présentation de Goujon // Brunel F., Goujon S. Les martyrs de Prairial. Genève, 1992. P. 22.*

идеологических основ Термидора, в частности, Декларации прав человека 1795 года¹, приходят к тому же выводу: «Конституция III года порывала с политической теорией революции естественных прав человека и гражданина, начатой в 1789 году»², а, следовательно, она знаменовала собой разрыв не только с 1793 годом, который, по их мнению, находился в русле тех же теорий, но и с 1789.

В советской историографии дело обстояло во многом по-иному³. Авторитет К. Маркса и Ф. Энгельса оставался для нее незыблемым, однако на первый план выходила важность теоретических разработок В.И. Ленина, провозгласившего еще в 1917 году: «Историки пролетариата видят в якобинстве один из высших подъемов угнетенного класса в борьбе за освобождение. Якобинцы дали Франции лучшие образцы демократической революции»⁴. Более того, в его трудах прослеживается полемическая тенденция выводить за рамки Революции не только время, последовавшее за диктатурой монтаньяров, но, фактически, и предшествующий ей период. Французская революция, говорится в одном из его выступлений 1919 года, «в лице власти низших слоев тогдашней буржуазии продержалась год»⁵. А еще позднее, после смерти Ленина, доминантой на долгие годы становятся взгляды И.В. Сталина, окончательно отказавшего Термидору в праве считаться частью Революции.

Не останавливаясь на актуальности споров о Термидоре⁶ для 20-30-х годов, поскольку на эту тему уже существует прекрасная монография Т. Кондратьевой⁷, отметим, что многие идеи, идущие от

¹ См., например: *Gauthier F. Triomphe et mort du droit naturel en Révolution*. P., 1992; *Боск Я. «Арсенал для подстрекателей»*; *Bosc Y. Arrêter la révolution, conserver la Révolution*.

² *Gauthier F. Fraternité // Les droits de l'homme et la conquête des libertés*. Grenoble, 1988. P. 93.

³ Подробнее см.: *Гордон А.В. Великая французская революция, преломленная советской эпохой // Одиссей. Человек в истории*. 2001. М., 2001. С. 311-336.

⁴ *Ленин В.И. Полн. собр. соч.* Т. 32. С. 374.

⁵ Там же. Т. 37. С. 447.

⁶ Подробнее см.: *Эрдэ Д.И. «9 термидора в исторической литературе»*. М.-Л., 1931.

⁷ *Кондратьева Т. Большевики-якобинцы и призрак Термидора*. М., 1993.

классиков марксизма-ленинизма, были восприняты советской историографией, если так можно выразиться, «в чистом виде»¹. Тон здесь во многом задавал Н.М. Лукин. «9 термидора, – отмечал он, – является поворотным пунктом в ходе Великой Революции, которая с этого момента идет на убыль, сдавая реакции одну позицию за другой»². «9 термидора погрузило Францию в хаос»³, – читаем мы у П. Щеголева. «9-го термидора во Франции происходит контрреволюция»⁴. «Культ беззаветной преданности революционному делу, – подчеркивают В. Колоколкин и С. Моносов, – сменился культом личного удовольствия и чревоугодия, пошлости и своекорыстия»⁵. Не способствовало взвешенности оценок и увлечение «пламенными революционерами» – Робеспьером, Маратом, Сен-Жюстом, политической борьбой, которую они вели со своими противниками. Вставая на позиции лишь одной из многочисленных групп революционеров, историки, следуя вполне естественной логике, начинали считать их врагов «контрреволюционерами» и связывать окончание Революции с уходом якобинцев с политической сцены.

Для советской историографии в принципе была характерна ярко выраженная тенденция предлагать жестко-оценочную периодизацию Революции. Даже те историки, кто полагал, что Революция не закончилась в 1794 году, выделяли ее восходящую (заканчивающуюся 9 термидора) и нисходящую (все, что последовало за этим) линии. Так, например, Ц. Фридлянд, опубликовавший свой учебник в 1930 году, полагал, что «после падения Робеспьера во Франции победила буржуазная республика, постепенно ликвидирующая демократические завоевания революции». При этом диктатура Робеспьера рассматривалась им как высшая точка развития Революции, а после 9 термидора «буржуазная революция на ущербе, она изживает себя, открывая широкие возможности для

¹ К этому добавлялось и сильное влияние «якобинской» французской историографии, в частности, Матьеза.

² Лукин Н. Новейшая история Западной Европы. М., 1923. Вып. 1. С. 221.

³ Щеголев П.П. После Термидора. Л., 1930. С. 5.

⁴ Щеголев П.П. Гракх-Бабеф. М., 1933. С. 35.

⁵ Колоколкин В., Моносов С. Что такое термидор. М.-Л., 1928. С. 110.

реставрации монархии»¹. В том же году К.П. Добролюбский напишет, что после падения Робеспьера начинается нисходящая линия Французской революции². Однако традиционной для большинства отечественных исследователей стала концентрация внимания на 1792-1794 годах в ущерб последующему периоду³, а к моменту создания в 1941 году фундаментального и программного коллективного труда «Французская буржуазная революция 1789-1794»⁴ хронологические рамки Революции уже не вызывали сомнений, и Термидор в них явно не попадал.

После XX съезда партии взгляды советских историков на Революцию эволюционируют. Вопрос о том, когда она завершилась, вновь становится открытым – показательно, что когда в самом начале 1960-х годов родилась так и не реализовавшаяся на практике идея подготовить многотомный труд по истории Французской революции, он должен был заканчиваться 1799 годом⁵, но это было явным исключением из правил. В то же время, в полном соответствии с идеями Маркса и Ленина, оставались в силе как представления о четком векторе развития Революции, так и о «контрреволюционности» переворота 9 термидора. Вот что писал, например, один из самых авторитетных историков этого времени А.З. Манфред: «Со времени 9 термидора на протяжении тридцати пяти лет политическая история Франции круто поворачивала в одном направлении – вправо»⁶. «9 термидора, – утверждал тот же автор, практически повторяя слова Энгельса, – восторжествовала буржуазная контр-

¹ Фридлянд Ц. История Западной Европы. Харьков, 1930. Т. 1. С. 120, 147, 148.

² Добролюбский К.П. Экономическая политика термидорианской реакции. С. 5.

³ Об этом см., например: Адо А.В. Французская революция в советской историографии // Исторические этюды... С. 312.

⁴ Французская буржуазная революция 1789-1794. М., 1941.

⁵ Проспект коллективного труда «Великая Французская буржуазная революция XVIII века» в трех томах. (Общий объем – 150 листов). АН СССР, Институт истории, 1962. 82 с. Автор благодарит А.В. Чудинова, представившего ему уникальную возможность ознакомиться с этим проспектом.

⁶ Манфред А.З. Три портрета эпохи Великой французской революции. М., 1979. С. 268-269.

революция. Гибель Робеспьера стала и гибелью якобинской диктатуры, гибелью революции»¹.

Вместе с тем существовало и идущее из работ Ленина понятие предела, которого Революция, и не только французская, могла достичь². Именно с ним и соотносились «достижения» того или иного периода. Так, например, если якобинцам не удавалось реализовать провозглашенные ими меры, считалось, если воспользоваться выражением Матьеза, что «происходила работа для будущего»³. Если же, напротив, они, по мнению историков, далеко не достигали этого предела, их критиковали за «классовую ограниченность»⁴.

С изменением политической и идеологической ситуации в нашей стране в 1985-1991 и последующих годах⁵, переоценкой роли Октябрьской революции «возникла своеобразная реакция отторжения по отношению к якобинскому периоду Французской революции»⁶, стали меняться и ее оценки в целом; «пошатнулось господство принципа поступательного линейного движения. Складывается представление о многомерности исторического процесса, вбирающего явления противоположной направленности, включая такие, что не поддаются однозначному истолкованию с точки зрения социального прогресса»⁷. В статьях, посвященных развитию отечественной исторической науки в целом, в это время также отмечается, что «такие общие понятия как “развитие”, “прогресс”, “реакция”, “большая” или “маленькая” роль в истории, “значительное” или “незначительное” событие [...] нельзя строго верифицировать; они очень условны» и «в значительной степени являются субъективными»⁸.

¹ Манфред А.З. Максимилиан Робеспьер // *Робеспьер М.* Избранные произведения. Т. 1. М., 1965. С. 85.

² Барг М.А., Черняк Е.Б. Великие социальные революции XVII-XVIII веков в структуре переходной эпохи от феодализма к капитализму. М., 1990. С. 220.

³ Матьез А. Французская революция. Ростов-на-Дону, 1995. С. 535.

⁴ Манфред А.З. Великая французская революция. М., 1983. С. 146.

⁵ Подробнее см.: Смирнов В.П. Политическая история и политика // Политическая история на пороге XXI века: традиции и новации. М., 1995. С. 240-249.

⁶ Адо А.В. Французская революция... С. 316.

⁷ Гордон А.В., Тырсенко А.В. Традиции и этапы изучения проблемы // Якобинство в исторических итогах Великой французской революции. С. 75.

⁸ Смирнов В.П. Указ. соч. С. 248-249.

Эти процессы не могли не затронуть как проблемы периодизации Революции, так и взгляды на Термидор. Это хорошо прослеживается и по изданной в 1985–1992 годах под редакцией А.В. Адо серии «Великая французская революция. Документы и исследования»¹. Примерно к 1988 году понятие «цензовая буржуазная республика (1795-1799)»² уже уверенно закрепляется в историографии³, якобинская диктатура начинает видеться «в перипетиях революционной драмы лишь кратким эпизодом жестокой борьбы»⁴, а расширение границ Революции до 1799 года прочно и окончательно входит в научный оборот.

Однако пересмотром прежней жесткой периодизации дело не ограничилось. Так, например, Е.Б. Черняк в том же 1988 году выступил с тезисом о том, что «восходящая линия революции завершилась к концу 1793 и началу 1794 года». «К концу 1793 года революция достигла всего, что было исторически возможным»⁵. В сходном направлении шла мысль и академика Н.Н. Болховитинова, ставившего, в ряду прочих и следующий вопрос: если якобинцы к концу 1793 года не ослабили, а усилили террор, обратив его на политических

¹ Так, скажем, в сборнике «Документы истории Великой французской революции» специально подчеркивалось, что материалы по этим периодам «в отличие от предыдущих советских публикаций документов» в издание включены. М., 1990. Т. 1. С. 7.

² Адо А.В. О месте Французской революции конца XVIII века в процессе перехода от феодализма к капитализму во Франции // Актуальные проблемы изучения истории Великой французской революции. М., 1989. С. 16.

³ Однако стоит отметить, что до сих пор подобное изменение периодизации далеко не всегда затрагивает издания, не носящие научного характера. В этом плане кажется показательным то, что, например, в школьном учебнике, вышедшем в свет в 1997 году, о 9 термидора по-прежнему говорится: «Французская революция закончилась» (Жарова Л.Н., Мишина И.А., Пономарев М.В., Рогожкин В.А., Федоренко А.А. Новая история ч.1. М., 1997. С. 390), а авторы многотомной энциклопедии «Всемирная история» (2001 год) полагают, что термидорианский переворот «фактически положил конец революции» (Всемирная история. Великая французская революция. Минск-Москва, 2001. С. 409).

⁴ Гордон А.В. Иллюзии-реалии якобинизма // Сен-Жюст Л.А. Речи. Трактагы. СПб., 1995. С. 386.

⁵ Черняк Е.Б. 1794 год: актуальные проблемы исследования Великой французской революции // 200 лет Великой французской революции. ФЕ. 1987. М., 1989. С. 244, 245.

противников, то «не началось ли уже в это время движение революции по нисходящей линии»?¹ Иными словами, оспаривая прежние представления о диктатуре монтаньяров, эти историки считали, что многие признаки спада Революции проявились уже при Робеспьере.

Другим проявлением пересмотра прежних концепций стал отказ от восприятия Термидора как времени торжества «контрреволюции». Эта идея ясно прослеживается, скажем, в словах Д.М. Туган-Барановского: «Оценка переворота 9 термидора как контрреволюционного просто нелепа. Термидорианцы не были контрреволюционеры в привычном смысле этого слова. Они даже не помышляли о восстановлении феодализма. Смысл переворота 9 термидора заключался в возвращении революции в буржуазное русло»². Термидорианская политика, подчеркивает В.В. Согрин, «может быть определена не как контрреволюция, а как нормализация буржуазного миропорядка, который объективно и стоял на главном месте в повестке революции»³.

Итак, ушел в прошлое миф о том, что падение Якобинской диктатуры стало и концом Революции⁴. В настоящее время Термидор и последовавшая за ним Директория считаются в отечественной историографии ее заключительными этапами⁵, однако представление о

¹ *Болховитинов Н.Н.* Новое мышление и изучение Великой французской революции XVIII века // Актуальные проблемы... С. 35-36.

² *Туган-Барановский Д.М.* О проблемах изучения нисходящей фазы революции // Актуальные проблемы... С. 184.

³ *Согрин В.В.* Революция и термидор // Вопросы философии. 1998. № 1. С. 5.

⁴ Вернее было бы сказать, «по большей части, ушел в прошлое», поскольку до сих пор приходится встречать упоминания о том, что «заговор с самого начала носил откровенный контрреволюционный характер», что весьма оригинально сочетается с тезисом о том, что в нем приняли участие «люди, не равнодушные к судьбе собственного государства, которое постепенно подталкивалось к пропасти находящимися в плену жестокости правителями». Всемирная история. Великая французская революция. С. 408.

⁵ Стоит однако отметить, что безоговорочное включение этих периодов в ткань Революции до сих пор представляет для ряда исследователей проблему – в немалой степени, на мой взгляд, психологического порядка. Так, например, в недавно вышедшей книге о Сен-Жюсте дважды подчеркивается, что «9 термидора закончилась “чистая Революция”», «закончился великий период Революции» (*Смирнова Е.В.* Сен-Жюст: прагматизм против утопии. М., 2002. С. 252, 256) – характеристики, как мы видим, сугубо эмоциональные.

нем как о «нисходящей линии»¹ неизменно продолжает встречаться в обобщающих трудах и учебной литературе². Скажем, в своей монографии, вышедшей в 1996 году, В.Г. Ревуненков по-прежнему подчеркивает, что на судьбе Революции термидорианский переворот «отразился самым пагубным образом», «окончательно пресек восходящую линию революции и положил начало ее упадку»³. Иными словами, один миф о конце Революции уступил место другому.

Так в чем же историки «обвиняют» Термидор? Что дает им основания полагать, что он представлял собой если и не контрреволюцию, то, по крайней мере, движение Революции «по нисходящей линии»? Ответ на этот вопрос кроется, с моей точки зрения, в понятии, которое можно встретить во множестве монографий, посвященных этому периоду. Имя ему – «термидорианская реакция»⁴.

¹ Едва ли стоит доказывать, что такое понятие, как «нисходящая линия» Революции имеет весьма относительную ценность в плане исторического познания. И тем более четко эта относительность становится видна, если сравнить приведенные выше взгляды с тем, что писали многие историки более века назад, когда «высшей точкой» Революции считался 1789 год, а времена диктатуры монтаньяров находились на этой линии значительно ниже. См., например: *Thureau-Dangin P.* Op. cit. P. 4.

² Небезынтересно, что, как и в 20-е годы, «термидор» то и дело появляется на страницах прессы при попытке найти адекватное определение для современного этапа истории России. Однако здесь путаница в умах еще большая, нежели в специальной литературе; так, например, в интервью сотрудника Института социологии РАН О. Крыштановской газете «Аргументы и факты» читаем: «Такие периоды называют “термидором” или, проще говоря, “реставрацией”», причем речь вновь идет об окончании революции. Аргументы и факты. 2003. № 30. С. 3.

³ *Ревуненков В.Г.* Очерки по истории Великой французской революции 1789-1814 гг. СПб, 1996. С. 415. См. также, например: *Всемирная история.* Т. 16. Минск, 1997. С. 69 и след.; *Юдовская А.Я., Баранов П.А., Ванюшкина Л.М.* Новая история 1500-1800. М., 1997. С. 207 и след. Небезынтересно, что хотя, например, в заголовке статьи М.А. Филимоновой, опубликованной в 2001 году, Термидор именуется «завершающей фазой» Революции, в тексте статьи, тем не менее, все равно говорится о ее «нисходящей фазе». *Филимонова М.А.* Еще раз о Термидоре в Америке. Сопоставительный анализ завершающих фаз Французской и Американской революций конца XVIII века // *Американский ежегодник.* 1999. М., 2001. С. 74.

⁴ Хотелось бы подчеркнуть, что события 1794-1795 годов нередко называют «нисходящей линией» революции именно потому, что в это время начинается «реакция». Иными словами, эти два термина оказываются очень тесно связанными.

2. Термидорианская реакция

Само это словосочетание, столь привычное для нас сегодня, начинает распространяться уже при Термидоре¹. Так же, как слова «революция» и «прогресс» оно пришло в политический словарь из точных наук. «О том, что зовется политической реакцией, – отмечал известный французский писатель, современник Революции Ш. Нодье, – можно судить с помощью обычных законов механики. Она находится в связи с действием, ей предшествующим; медленно и в то же время с большим количеством колебаний за действием (*action*) следует реакция (*réaction*), и так постепенно, пока это действие и реакция не совпадут в неуловимом движении, за которым следует полная неподвижность»². Иными словами, с самого начала под словом «реакция» понималось лишь действие противоположное предшествующему.

До термидорианского периода термин не имел специфической оценочной окраски и существовал в рамках описанной антитезы (сходным образом его толкуют даже некоторые постреволюционные словари³). Именно в этом смысле слово «реакция» впервые употребляется по отношению к «революции»⁴ 9 термидора⁵.

¹ См., например: *À tous les français, sur la clôture, par arrêté, des Réunions de Citoyens*. S. l., s. d. P. 2, 6. В те годы иногда также говорили «пост-термидорианская реакция». См., например: *Correspondance secrète de Charette, Stofflet, Puisaye, Cormatin, d'Autichamp, Bernier, Frotté, Scépeaux, Botherel; du Pretendant, du ci-devant Comte d'Artois, de leurs Ministres et Agens, et d'autres Vendéens, Chouans et Emigrés Français*. P., VII. P. 5.

² *Nodier Ch. Souvenirs de la Révolution et de l'Empire*. P., 1872. Vol. 1. P. 111.

³ См., например, *Dictionnaire universel de la langue française*. Par P.C.V. Boiste. 2-me édition. P., 1803. P. 331.

⁴ В то время нередко было принято не рассматривать революцию как единое целое, а выделять несколько «революций» – 14 июля, 10 августа, 9 термидора и т.д.

⁵ Отметим, что для зарубежной историографии подобные размышления отнюдь не новы. Так, например, Ф. Фюре писал: «"Термидорианская реакция": это выражение, использованное побежденными в жерминале III года, было подхвачено Оларом и Матъезом, не без расхождений со своим первоначальным смыслом». *Furet F. Richet D. Op. cit.* P. 258. Весьма важные размышления о «термидорианской реакции» см. также в: *Baczko B. Comment sortir de la Terreur*. Ch. «Réaction et utopie».

Таким образом, находя в источниках словосочетание «термидорианская реакция», опасно однозначно толковать его в современном, привычном для нас смысле. В мемуарах многих участников Революции это именно реакция в обычном для того времени понимании термина, реакция-ответ на диктатуру монтаньяров. Чаще всего современники упоминают феномен «термидорианской реакции» как нечто само собой разумеющееся, не давая ему никаких определений или пояснений¹, как поступил, скажем, Ж. Дюваль, включивший в название своего труда: «Воспоминания о термидорианской реакции»². Попытки анализа, прояснения ситуации в основном связаны с тем, что термин казался слишком расплывчатым, неясным, а порой и двусмысленным. «Реакционерными называли всех, – писал впоследствии депутат Конвента П. Паганель, – кто, будь то в департаментах, будь то в Париже, будь то в Конvente отвечал после 9 термидора на преступления террора преступлениями мести»³.

Весьма характерным, хотя, возможно, и несколько тяжеловесным мне представляется анализ Ш. Нодье, который отмечал, что «в революциях реакция часто прикрывается предлогом репрессий, который до определенного момента узаконивает ее в глазах недобросовестных казуистов и вялых моралистов. Приложение физической необходимости к моральной теории совершенно неправильно. Поэтому реакция III и IV годов оставила у меня почти такое же неприятное впечатление, как и сцены террора. Именно то, что оправдывало термидорианскую реакцию в глазах большинства, быть может, было наиболее отвратительным для меня. Революция имела ужасную привилегию: она шла по хаосу, но она говорила об этом.

¹ *Barante A.-G.-P. Histoire de la Convention Nationale. P., 1853. Vol. 5. P. 1; Beaulieu C.F. Essais historiques sur les causes et les effets de la Révolution de France, avec des notes sur quelques evenmens et quelques institutions. P., 1803. Vol. 6. P. 1; Chastenay L.M.V. de. Mémoires de madame de Chastenay. 1771-1815. P., 1896. Vol. 1. P. 289; Frenilly F.A. Souvenirs du baron de Frenilly, pair de France. P., 1909. P. 193; Laffon-Ladebat A.D. Journal de ma deportation à la Guyane française. P., 1918. P. 7; Prudhomme L. Histoire impartiale des Révolutions de France depuis la mort de Louis XV. P., 1824. Vol. 10. P. 402.*

² *Duval G. Souvenirs thermidoriens. P., 1844. Vol. 1. P. 1.*

³ *Paganet P. Essai historique et critique sur la Révolution française, ses causes, ses résultats. Par M***. P., 1815. Vol. 2. P. 405.*

Идеи права, порядка, равновесия, одна только мысль о каких-либо институтах, повергали ее в ярость, но это была звериная и бесхитростная ярость тигра. Она проливала кровь, потому что кровь была хороша, но ее палачи не надевали перчаток на свои кровавые руки, они их показывали обнаженными. Это была жестокость, это было неистовство, но это не было разочарованием. Термидорианская реакция, напротив, воспользовалась покровительством наиболее помпезных идей, существовавших в обществе. Она прикрылась именем цивилизации, именем культа, свергнутого святотатцами, именем человечества, безжалостно оскорбленного каннибалами, именем искусств, впавших в немилость у революционных вандалов. Она провозгласила себя утренней звездой эры восстановления, мира, всеобщего счастья, и она надоела»¹.

Помимо этого, вызывает интерес свидетельство такого неизвестного и авторитетного современника, как Л. Ларевельер-Лепо. В своих мемуарах он писал, что «те депутаты, которые подверглись проскрипциям и те, которые во время революционного правления стонали под гнетом, руководимые, одни – духом не знающей пощадности справедливости, другие, – жаждой мести, привнесли в Конвент реакцию». Более того, он считает что «реакций», по сути дела, было несколько. Не уточняя, что именно он понимает под этим словом, Ларевельер-Лепо отмечает: «В реакциях, месть отдельных личностей слишком часто скрывалась под мантией правосудия; ненависть, вместо того, чтобы угаснуть, раздувалась и продолжалась... Вскоре реакция обратилась против самой себя, и так, от одной реакции к другой, слезы и кровь граждан не переставали литься»².

В этих цитатах уже виден переход от безразлично отстраненного отношения к реакции, от констатации факта к отношению заинтересованному и личностному. В этом плане хорошим примером могут послужить мемуары А. дез Эшероль, которая смотрит на то же самое явление снизу: «Есть особого рода политическое чудовище о

¹ *Nodier Ch.* Op. cit. Vol. 1. P. 111-112.

² *Larevellière-Lépeaux L.* Mémoires de Larevellière-Lépeaux, membre du Directoire exécutif de la République française et de l'Institut national. P., 1895. Vol. 1. P. 202-203.

двух лицах, – одно из них спокойное и приветливое, другое – жестокое и кровожадное, чье доброе или злое влияние мы ощущаем попеременно; ему имя – реакция. Брала ли верх умеренная партия, все успокаивались, и надежда оживляла унылые лица – это была реакция; входили ли опять в силу революционеры, и террор, пробужденный их грозными голосами, леденил сердца; все страдало и стремилось бежать вдаль, – это реакция, говорили вам опять. Я не знала ничего иного, будучи ребенком, и затем молодой девушкой, гонимая революционными бурями, не ведая причин и видя одни лишь следствия. Когда мир снова водворялся, или когда бешеные волны грозили поглотить нас, я безропотно покорялась своей участи, повторяя за другими: это реакция, – и думала, что этим все сказано». Иначе говоря, по мнению современницы, не «термидорианская реакция» страшна и губительна – ужасна сама частая смена находящихся у власти политических группировок, своего рода перманентная реакция. К Термидору же дез Эшероль относится вполне благосклонно, полагая, что «реакция, задавившая Робеспьера, установила более умеренный порядок». Она же приводит любопытную сценку из жизни: «Воры, фальшивомонетчики и другие преступники такого рода были пощажены. “На вас есть закон, – было им сказано. – Мы не хотим вступаться в его права”; и со всех сторон поднимались голоса: “Пощадите меня, я только вор”»¹.

Не удивительно, что, как пишет другой современник, «этот возврат к более умеренной системе пугал людей, запятнанных в крови, которым удалось пережить главарей террора; они не упустили случая закричать о наступлении реакции и сделали из ярлыка “контрреволюционер” одновременно и оскорбление и пугало». Именно эта «реакция» вернула в Конвент семьдесят три изгнанных депутата². То, что в литературе принято считать белым террором в южных и юго-восточных департаментах, один из мемуаристов показывает не как террор, а, наоборот, как месть за террор. «Эти частные

¹ Дез-Эшероль А. Судьба одной дворянской семьи во время террора. СПб., 1882. С. 157, 180, 182.

² Hautpoul A. de. Souvenirs sur la Révolution, l'Empire et la Restauration. P., 1904. P. 111.

мести, – вспоминает Ж.-П. Галле, – имели место в особенности на юге, где действие столь же быстро, как мысль». Там велась настоящая «война, длинная и жестокая, устроенная католиками и протестантами под именами якобинцев и роялистов»¹.

Завершить эту краткую подборку взглядов современников Революции хотелось бы размышлениями Б. Констан, изложенными в написанном через несколько лет после Термидора труде с характерным названием – «О политических реакциях». «Есть два типа реакций, – отмечает Б. Констан, – направленные против людей и против идей. Я не называю реакцией ни справедливое наказание виновных, ни возвращение к здоровым идеям. Эти вещи принадлежат одна – закону, другая – разуму. То, что, напротив, отличает, по сути своей, реакции, – это произвол вместо закона, страсть вместо здравого размышления; людей не судят, а преследуют; идеи не анализируют, а отвергают».

Констан полагает, что поскольку революции восстанавливают гармонию между идеями и институтами, в тех революциях, которые на этом и останавливаются, реакция не наступает (Швейцария, Голландия, Америка). Там же, где «революция переходит эту границу, иными словами, когда она учреждает институты, находящиеся за пределами господствующих идей», – реакция неизбежна. В этом плане она является своеобразным возвращением в границы, за пределы которых вышла Революция².

Как мы видим, уже у ряда мемуаристов понятия «реакция», в принципе, и «термидорианская реакция», в частности, постепенно начинают приобретать отрицательный оттенок. «Движение 9 термидора, – вспоминал бывший монтаньяр Р. Левассер, – мало-помалу выродилось в реакцию и аристократизм»³. Но если для первой половины XIX в. термин еще идеологически не определен, то к началу XX в. его первоначальное значение постепенно забывается

¹ *Gallais J.-P.* Histoire de France depuis la mort de Louis XVI jusqu'au traité de paix du 20 novembre 1815. P., 1820. Vol. 1. P. 199.

² *Constant B.* De la force du gouvernement actuel de la France et de la nécessité de s'y rallier. Des réactions politiques. Des effets de la terreur. P., 1988. P. 95 et suiv.

³ *Levasseur R.* Memoires de R. Levasseur (de la Sarthe) ex-conventionnel. P., 1989. P. 570-571.

и историки начинают привычно подразумевать под ним нечто весьма близкое к контрреволюции. «Реакция восторжествовала, – писал, например, П.А. Кропоткин. – Революции наступил конец»¹. «Термидор, конечно, повлек за собой социальную и политическую реакцию»², – не сомневался Ж. Жорес. Использование этого понятия намечает своеобразный водораздел в позициях исследователей: те, кто хотел продемонстрировать свое отрицательное отношение к термидорианцам, называли их реакционерами, и нередко это уже само по себе определяло позицию автора.

Не удивительно, что в отечественной историографии, начиная с первых лет советской власти, термин употреблялся уже как неременное определение периода. Так, например, по мнению Н. Лукина, после 9 термидора Революция шла на убыль, «сдавая реакции одну позицию за другой», а Конституция III года «как бы закрепляла первые победы реакции»³. Добролюбский отмечал с июня 1795 года «бешеный разгул реакции», классифицируя ее как реакцию политическую, экономическую и даже реакцию в быте и в нравах⁴. С.А. Лотте писала, что «на следующий же день после 9 термидора началась ожесточенная реакция», подчеркивая, что это была именно контрреволюция, поскольку демонтировалась система Якобинской диктатуры⁵.

Понятие «термидорианской реакции» использовалось советскими историками в аналогичном контексте до самого последнего времени. Именно так называлась глава в книге Манфреда, посвященная «ликвидации социальных и демократических завоеваний якобинской диктатуры»⁶. «Реакционное поветрие охватывает страну, не встречая реального сопротивления»⁷, – писал о Термидоре Н. Молчанов в конце 1980-х годов.

¹ *Кропоткин П.А.* Великая французская революция. М., 1979. С. 440.

² *Жорес Ж.* Социалистическая история французской революции. Т. VI. М., 1983. С. 461.

³ *Лукин Н.* Новейшая история Западной Европы. М.-Л., 1925. С. 219, 221.

⁴ *Добролюбский К.П.* Термидор. С. 49, 177.

⁵ *Лотте С.А.* Великая французская революция. М.-Л., 1933. С. 287.

⁶ *Манфред А.З.* Великая французская революция. С. 197-206.

⁷ *Молчанов Н.Н.* Монтаньяры. М., 1989. С. 532.

В то же время, «термидорианская реакция» – понятие достаточно объемное и неоднозначное по своему наполнению у различных авторов. Попробуем разложить этот феномен на составляющие и посмотреть, в чем же конкретно видели и видят «реакцию» отечественные историки. Насколько обосновано употребление этого термина в привычном для нас отрицательном смысле? Разумеется, я не собираюсь оспаривать тот факт, что Термидор действительно отменил или пересмотрел многие установления диктатуры монтаньяров, однако был ли этот пересмотр столь «пагубным»?

Политическая реакция. В это понятие обычно включается целый комплекс мер, направленный на демонтаж политической системы 1793-1794 годов. «Термидорианцы прежде всего разрушили аппарат революционно-демократической диктатуры, – отмечал Манфред. – Структура правительственной власти была существенно изменена»¹. Прежде всего, здесь имеется в виду сокращение полномочий и уменьшение роли Комитета общественного спасения. С этим трудно спорить, однако нельзя упускать из виду, что одну из своих главных задач депутаты термидорианского Конвента видели как раз в замене революционного порядка управления, введенного при монтаньярах, конституционным (на это, собственно, и было направлено принятие ими Конституции III года). В то же время, основные достижения Революции фактически не подвергались ими пересмотру.

Читаем далее у того же автора: «Оплот революционной демократии столицы – Парижская коммуна была разгромлена и упразднена. Несколько позднее были ликвидированы и запрещены революционные комитеты и народные общества, сыгравшие крупную роль в революции»². Однако в действительности это было лишь завершением процесса, начатого еще во времена Робеспьера. Известно, что после падения эбертистов в марте 1794 года роль Коммуны существенно изменилась, «состав ее стал фактически регулироваться Комитетом общественного спасения, ее деятельностью стали руководить лица, назначенные этим Комитетом. Замерла и

¹ Манфред А.З. Великая французская революция. С. 197.

² Там же.

кипучая политическая жизнь секционных клубов. “Революционная армия” была распущена»¹.

Но это был лишь последний удар, поскольку «еще в сентябре 1793 года Конвент и правительственные комитеты встали на путь ограничения прав парижских секций»². Терял свое значение и Якобинский клуб, окончательно закрытый в ноябре 1794 года. «Вне всякого сомнения, якобинцы по-прежнему собирались на заседания, – пишет французский историк П. Генифе о последних месяцах Якобинской диктатуры, – но это был уже не “термометр общественного мнения”, а всего лишь ареопаг придворных»³. Бабеф после закрытия клуба признавал: «Что касается общества якобинцев, я берусь со всей очевидностью доказать, что о нем не надо сожалеть»⁴.

К проявлениям все той же политической реакции обычно принято относить и отказ от Конституции 1793 года в пользу нового, «глубоко антидемократичного»⁵ основного закона. «Демократическое движение, – подчеркивает Ф. Готье, – быстро поняло цель термидорианской политики: помешать применению Конституции 1793 года, вновь поставить под сомнение Декларацию прав человека и гражданина и вдохновлявшие ее политические принципы. Демократия прав человека или новая аристократия? – таков был выбор»⁶.

Разумеется, можно было бы поставить вопрос о том, в какой степени была применима эта «самая передовая буржуазная конституция»? И зачем монтаньярам понадобилось выносить на референдум эту конституцию, «которая явилась красноречивым ответом на сформулированные жирондистами обвинения в диктатуре»⁸, с тем, чтобы вскоре после этого отказаться от ее введения в действие? Очевидно, однако, что изучение этих проблем потребовало бы

¹ Французская буржуазная революция 1789-1794. С. 434.

² Ревуненков В.Г. Указ. соч. С. 330.

³ Gueniffey P. Robespierre // Yearbook of European Studies. Amsterdam-Atlanta, 1996. № 9. P. 13.

⁴ Бабеф Г. Указ. соч. Т. 3. С. 206. В дальнейшем, однако, точка зрения Бабефа на Якобинскую диктатуру существенно изменилась.

⁵ Манфред А.З. Великая французская революция. С. 205.

⁶ Gauthier F. Triomphe et mort du droit naturel... P. 248.

⁷ Лотте С.А. Указ. соч. С. 177.

⁸ Матъез А. Указ. соч. С. 393.

отдельного исследования. В то же время, не менее важно рассмотреть, почему термидорианцы решили отказаться от Конституции 1793 года, что и будет сделано в III главе. В дальнейшем я также коснусь вопроса, в какой мере соответствует действительности тезис о том, что «термидорианская республика не опиралась более на принципы, служившие оружием для отмены Старого порядка»¹.

Еще одним признаком «реакционности» Конституции III года стала для отечественных историков отмена «важнейшего завоевания революции – всеобщего избирательного права»². К настоящему времени уже достаточно очевидно, насколько осторожно следует говорить об этом применительно к 1793 году. Поскольку конституция не была введена в действие, отмечает французский историк С. Абердам, «трудно говорить о практическом применении всеобщего избирательного права». К тому же он предлагает определять то, что реально имело место в 1792-1793 и последующих годах, не как всеобщее, а лишь как «расширенное избирательное право»³.

Более того, хотя обычно упоминается, что Конституция III года была одобрена на референдуме, умалчивается о том, что в декрете Конвента от 5 фрюктидора III года (22 августа 1795 года) специально указывалось, что к референдуму допускаются «все французы, голосовавшие в последних первичных собраниях»⁴, иными словами, все голосовавшие за якобинскую Конституцию. Его итоги известны: против высказалось около 50 тысяч человек из более чем миллиона голосовавших⁵. Таким образом, фактически получается, что народ сам одобрил конституцию, «острием своим [...] направленную против народа»⁶!

Террор. Хорошо известно, что термидорианцы сразу же после переворота отменили закон от 22 прериаля, арестовали печально

¹ *Bosc Y.* Le droit naturel: enjeux d'une référence dans le débat sur la déclaration de l'an III // *Langages de la Révolution (1770-1815)*. P., 1995. P. 294.

² История Франции. Т. 2. С. 84.

³ *Aberdam S.* L'élargissement du droit de vote, de 1792 à 1793 // *L'an I et l'apprentissage de la démocratie*. Saint-Denis, 1995. P. 258.

⁴ Документы истории Великой французской революции. Т. 1. С. 300.

⁵ *Tulard J., Fayard J.-F., Fierro A.* Histoire et dictionnaire de la Révolution française. P., 1987. P. 148, 199.

⁶ *Манфред А.З.* Великая французская революция. С. 205.

известного общественного обвинителя при Революционном трибунале А. Фукье-Тенвиля, реорганизовали сам трибунал, восстановив обычные формы судопроизводства, стали выпускать из тюрем «подозрительных». «То был конец террора», – не сомневается Собуль¹.

Однако, когда речь заходит о «термидорианской реакции», многие отечественные историки, тем не менее, не жалеют красок, доказывая, что «террор не был прекращен», на смену «красному» террору пришел «белый», «не исключавший, правда, карательных мер против роялистов, но обращенный в основном против демократов, против народа», тогда как террор якобинский был направлен «на защиту революции, на защиту родины»². Подобное противопоставление, приведенное в книге Ревуненкова, не может не удивлять, поскольку всего несколькими страницами ранее он сам, прекрасно зная данные Д. Грира³, писал, что при Робеспьере «85% казненных принадлежали к бывшему третьему сословию, в том числе около 60% казненных составляли рабочие, крестьяне, ремесленники, слуги»⁴.

В чем же тогда видятся проявления «белого террора»? Их можно условно разделить на две части. Первая, и основная, – это то, что именуется «актами массового белого террора»⁵: «в департаментах юго-восточной Франции бесчинствовали банды настоящих убийц», которые охотились за бывшими якобинцами, да и в ряде городов (Ним, Лион) прошли избиения тех, кого тогда называли «террористами»⁶. Однако обратим внимание на то, что этот террор не был, по большей части, в отличие от времен диктатуры монтаньяров, государственной политикой. В этом плане трудно не согласиться с Черняком, который отмечал, применительно к 1793 году, что «нельзя ставить знака равенства между расправами, которые чинили фанатизированные священниками отряды вандейских

¹ Собуль А. Указ. соч. С. 161.

² Ревуненков В.Г. Указ. соч. С. 417-418.

³ Greer D. The Incidence of the Terror during the French Revolution. Cambridge, 1935.

⁴ Ревуненков В.Г. Указ. соч. С. 365.

⁵ История Франции. Т. 2. С. 73.

⁶ Ревуненков В.Г. Указ. соч. С. 418-419.

крестьян, и карательной политикой правительства»¹, да и самими термидорианцами «были приняты меры для прекращения террора на юге»².

Аналогично обстоит дело и с арестами, которые происходили после 9 термидора в парижских секциях по обвинению в участии в сентябрьских убийствах 1792 года.³ Можно лишь сказать, что, как и во времена диктатуры монтаньяров, «парижские санкюлоты не связывали себе рук формальной демократией»⁴.

Вторая группа доказательств существования «термидорианского белого террора» касается уже непосредственно политики Конвента. То, что Робеспьер и его сторонники были объявлены вне закона и, соответственно, казнены без суда и следствия, – бесспорный факт, хотя можно заметить, что это было сделано в строгом соответствии с нормами навязанного ими же самими закона от 22 прериала. Однако, помимо этого, на память приходит всего несколько завершившихся казнями политических процессов над наиболее одиозными фигурами времен диктатуры монтаньяров (Ж.Б. Каррье, Ж. Лебоном, Фукье-Тенвилем). Даже после восстания в жерминале Конвент ограничился лишь ссылкой депутатов-монтаньяров. И только после прериальского восстания, в ходе которого погиб один из депутатов, было казнено 36 человек. Однако было бы удивительно, если бы верховная власть в стране не карала за открытую вооруженную попытку ее свержения.

Еще одним показателем отношения термидорианцев к Террору стала проведенная ими широкая амнистия, провозглашенная на последнем заседании Конвента⁵. Вспомним, как в свое время Сен-Жюст отзывался о тех, кто «утверждает, что революция завершена, что необходимо амнистировать всех злодеев»⁶. Теперь же амнистия воспринималась в качестве средства национального примирения,

¹ Черняк Е.Б. Времен минувших заговоры. М., 1994. С. 278.

² Ревуненков В.Г. Указ. соч. С. 433.

³ Там же. С. 418.

⁴ Там же. С. 325.

⁵ Документы истории Великой французской революции. Т. 1. С. 311-314.

⁶ Сен-Жюст Л.А. Указ. соч. С. 128.

как «один из основных способов окончить революцию»¹. Равно как и отмена смертной казни, отсроченная, правда, до «дня объявления всеобщего мира».

Таким образом, если основываться на реальных цифрах и событиях, вряд ли можно считать правомерным утверждение о том, что при Термидоре Террор «не только не ослаб, но стал еще сильнее»².

Реакция в идеологии. Изменение нравов. Здесь, как правило, выходит на первый план тезис о том, что «в течение короткого времени общественные нравы и быт изменились до неузнаваемости. Строгую простоту нравов революционной столицы заменили выставленная напоказ роскошь, блеск желающих похвастать своим богатством новых хозяев страны»³. Данное положение кажется мне бесспорным, однако я так и не нашел в историографии рациональных аргументов в пользу того, почему следует считать более предпочтительным положение собственников при Робеспьере, когда «богатые люди считали необходимым оправдываться в своем богатстве»⁴.

Впрочем, порою то, что происходило при Термидоре, трактуется и в несколько ином аспекте. «Политическая и социальная реакция сопровождалась реакцией моральной, – утверждает Собуль. – В то время как во II году народ превозносили, рассматривая его как естественного носителя республиканских добродетелей, теперь его награждали презрением»⁵. Однако мне видится, что здесь речь идет, прежде всего, об официальном дискурсе якобинцев. Если же мы возьмем не менее официальный термидорианский дискурс, то увидим, что народ оставался одной из центральных его фигур⁶.

¹ *Baudin P.-C.-L.* Declaration sur les motifs d'après lesquels a été proposée, et les circonstances dans lesquels a été décrétée par la Convention la loi d'amnistie du 4 brumaire de l'an IV, dont il a été le rapporteur. P., s.d. P. 3.

² *Манфред А.З.* Великая французская революция. С. 198.

³ Там же. С. 199.

⁴ *Mathiez A.* La réaction thermidorienne. P. 2.

⁵ *Собуль А.* Указ. соч. С. 170.

⁶ См., например, уже упоминавшуюся речь Буасси д'Англа от 5 мессидора III года.

Декларация прав в 1795 году по-прежнему провозглашалась от имени «французского народа». «Термидорианцы сохранили приверженность принципу национального или народного суверенитета»¹, – подчеркивал Ж. Лефевр.

Не менее спорными выглядят и иные тезисы, встречающиеся в литературе. Например, утверждение о том, что после Термидора «перестали говорить друг другу “ты”, обращения месть и мадам сменили гражданина и гражданку»², что, мягко говоря, не подтверждается источниками. Хотя начало этого процесса действительно приходится на Термидор, в политическом дискурсе того времени старые революционные нормы полностью сохраняли свою силу.

Еще более двусмысленно обстоит дело с обвинением термидорианцев в «ограничении демократических прав и свобод»³, поскольку, даже если брать отечественную историографию, еще в 1980 году Г.С. Черткова отмечала, что «с точки зрения так называемых “формальных свобод” период термидорианской реакции – время большей демократии, чем якобинская диктатура (особенно ее последний период)»⁴. Что же касается историографии зарубежной, то здесь нельзя не упомянуть слова А. Олара: «Ведь истинная реакция всегда имеет целью помешать человеку свободно мыслить, а такая реакция началась с жерминаля II года [марта-апреля 1794 года – Д.Б.], когда революционный трибунал, нарушая Декларацию прав, стал осуждать людей за их религиозные мнения, особенно же когда в следующем месяце Робеспьер посягнул на свободу совести, навязывая французам свою государственную религию. После термидора религиозная реакция стала постепенно исчезать⁵; возникла известная свобода мысли; установился либеральный режим»⁶.

¹ *Lefebvre G. La France sous le Directoire. P., 1984. P. 31.*

² *Ревуненков В.Г. Указ. соч. С. 421.*

³ *Ревуненков В.Г. К истории споров о Великой французской революции // Великая французская революция и Россия. М., 1989. С. 42.*

⁴ *Черткова Г.С. Грахк Бабеф во время термидорианской реакции. М., 1980. С. 92.*

⁵ Собуль, напротив, рассматривает свободу культов как «религиозную реакцию», которая «в немалой степени содействовала успехам контрреволюции». *Собуль А. Указ. соч. С. 172.*

⁶ *Олар А. Политическая история французской революции. М., 1938. С. 607.*

Возвращение достаточно широкой «свободы мысли» действительно видится мне одной из самых больших заслуг термидорианцев¹. Посмотрим, например, что писал о диктатуре монтаньяров Матьез: «Пресса, которая до жерминаля сохраняла еще всю свою энергию и страстность, утратила теперь всякую самостоятельность. В обращении были только официальные или официозные газеты, получавшие более или менее крупные субсидии. За преступные мнения пострадало уже столько журналистов, что оставшиеся в живых хорошо знали ценность осторожности. В театрах разыгрывались только патриотические, одобренные цензурой пьесы»².

После Термидора картина совершенно иная: «Непосредственным следствием свержения “тирана” было возрождение общественного мнения, принуждаемого уже долгое время к молчанию»³. В Конвент вернулись дискуссии. Свобода печати иногда удивляла даже самих современников⁴. Один из влиятельных депутатов замечал: «Пишут, что шуанские и анархические журналы продолжают безнаказанно нападать на легислатуру и правительство. По правде говоря, граждане, мне кажется, что вы слишком мало верите в стабильность республики и конституции⁵, если вы опасаетесь, устоят ли они перед чтением памфлета»⁶.

Личные качества термидорианцев. Говоря о реакции, историки нередко не жалеют отрицательных красок для описания тех, кто «пришел на смену» Робеспьеру, Сен-Жюсту и Кутону. В немалой степени подобное восприятие объясняется тем, что термидорианцы положили конец диктатуре монтаньяров. Но далеко не только этим. Вместе со свободой мнений в Конвент пришла и

¹ Некоторые действовавшие на бумаге ограничения, как, например, запрещение призывов к восстановлению монархии, за пределами Конвента мало соблюдались.

² Матьез А. Указ. соч. С. 527.

³ Gueniffey P. Robespierre. P. 17.

⁴ О дискуссиях по поводу своды печати при Термидоре подробнее см.: Baczkó B. Comment sortir de la Terreur. Ch. «La liberté de la presse ou la mort».

⁵ Текст относится к тому времени, когда Конституция III года уже была принята.

⁶ Baudin P.-C.-L. Eclaircissements sur l'article 355 de la Constitution, & sur la liberté de la Presse. P., IV. P. 17.

немалая разобщенность, что после времен единогласного принятия решений даже рядом современников воспринималось как признак слабости¹.

Политики времен Термидора действительно менее известны, нежели лидеры якобинцев. Пожалуй, среди немногих на память приходят Сийес, Ж.Л. Тальен и П. Баррас, а имена таких деятелей как Л.М. Ларевельер-Лепо, Ф.А. Буасси д'Англа, Ж.Д. Ланжюине, А.К. Тибодо что-либо говорят сейчас, по большей части, только специалисту. Однако в немалой мере это явилось следствием общего пренебрежения к периоду. К тому же, характеризуя термидорианцев, отечественная историография нередко делала основной упор на личности и в самом деле малопочтенные – Тальена, С.Л.М. Фрерона, Барраса², «забывая» при этом отметить, что они и при Робеспьере занимали далеко не последние места³. «Читая нашу литературу, – отмечает Черняк, – можно подумать, что Сен-Жюст и Кутон делали одно дело, а Баррас, Колло д'Эрбуа, Фуше, Каррье – другое»⁴. «Погибни Фуше в 1794 году, – добавляет тот же автор, – он вошел бы в историю как непреклонный революционер и убежденный эгалитарист: куда более последовательный, чем Робеспьер и его коллеги, и доказавший действиями серьезность своих убеждений на порученных ему революцией постах»⁵.

Социальная реакция. «Именно социальный характер реакции придает термидорианскому периоду его главное значение, – отмечал Собуль. – Социальное содержание режима II года было народным, и такие меры, как вантозские декреты и закон о национальной

¹ Ср., например, в мемуарах де Норвена: «После поражения монтаньяров Конвент стал столь слабым, что не мог надеяться мирно удержать скипетр революции». *Norvins J.M. de Montbreton, baron de. Essai sur la Révolution française depuis 1789 jusqu'à l'avènement au trône de Louis-Philippe d'Orleans le 7 août 1830.* P., 1832. Vol. 1. P. 272.

² См., например: *Тарле Е.В.* Жерминаль и прериаль. М., 1957. С. 46 и след.

³ Французский историк Р. Седийо пишет также о многочисленных фактах коррупции при якобинцах, называя, в частности, имена Ф.Ф.Н. Фабра д'Эглантина, К. Демулена, П.Ж. Камбона и др. *Sédillot R. Le coût de la Révolution française.* P., 1986. P. 249.

⁴ *Черняк Е.Б.* 1794 год... С. 250.

⁵ Там же. С. 260.

благотворительности лишь подчеркивали это». К тому же «поражение в прериале III года означало конец парижских санкюлотов и окончательное подавление народного движения. Республика вновь пошла по своему буржуазному руслу»¹.

Хотелось бы подчеркнуть, что проблема наличия или отсутствия «социальной реакции» при Термидоре представляется мне едва ли не наиболее сложной. Однако приступить к ее решению можно будет лишь тогда, когда появится четкий ответ на вопрос о том, в интересах каких социальных групп проводили свою политику монтаньяры. Вопрос же этот крайне дискуссионный², что хорошо видно на примере исследований, посвященных тем или иным социальным слоям в эпоху Революции. Так, например, если говорить о крестьянстве, то А.В. Адо был уверен, что, по крайней мере, ряд крестьянских требований, был монтаньярами выполнен. Но впоследствии «якобинская власть не могла занять определенную позицию по отношению к шедшей в деревне сложной борьбе интересов», не оказала решительной поддержки ни одному слою крестьянства, что привело к постепенному отходу сельского населения страны от поддержки диктатуры. Иными словами, чаяния крестьян были выполнены лишь частично³. Но правомерно ли в таком случае, однозначно говорить о том, что якобинцы «представляли и защищали, наряду с другими классами и классовыми группами, также и интересы крестьянства»⁴?

Подобные сомнения во многом повлияли, как мне представляется, на вывод А.В. Чудинова о том, что «едва ли может быть признана удовлетворительной широко распространенная в “классической” историографии “социальная” трактовка якобинского режима, согласно которой его политика служила интересам определенного общественного слоя Франции». «Споры историков-марксистов о социальной основе якобинизма, – подчеркивает тот же историк, –

¹ *Собуль А.* Указ. соч. С. 158.

² Подробнее см.: *Чудинов А.В.* На облаке утопии: жизнь и мечты Жоржа Кутона // *Кутон Ж.* Избранные произведения. М., 1994. С. 42 и след.

³ *Адо А.В.* Крестьяне и Великая французская революция. М., 1987. С. 351-353.

⁴ *Манфред А.З.* Великая французская революция. С. 219.

наглядно продемонстрировали, независимо от намерений самих участников дебатов, невозможность связать политику Робеспьера и его сторонников с реальными интересами любого более или менее значительного слоя французского общества»¹.

Экономическая реакция. Говоря на эту тему, исследователи нередко отделяют друг от друга те меры, которые проводил в жизнь термидорианский Конвент, и общую ситуацию в стране. Принятые в этот период решения действительно трудно оценить однозначно. Продлив поначалу действие закона о максимуме, в конце декабря 1794 года Конвент отказывается от этой меры и восстанавливает свободу торговли. Через несколько дней после переворота отменяется введенный незадолго до этого максимум на заработную плату для рабочих. Ликвидируется монополия внешней торговли.

Вместе с тем историки нередко отмечают катастрофическое падение курса ассигната, явившееся, по мнению Собуля, «непосредственным результатом отмены максимума». «Масса ассигнатов росла от непрерывных эмиссий»², «трудовой люд голодал»³, «зимой 1794-1795 года плебейский Париж испытывал муки голода, перед которыми бледнели лишения сурового 1793 года»⁴.

Однако специальное исследование Добролюбовского «Экономическая политика термидорианской реакции» рисует несколько иную картину. По его мнению, «продовольственный кризис в Париже достиг наивысшей остроты *при максимуме* [выделено мной. – Д.Б.] в феврале и марте 1794 года»⁵. «Парижское население, – продолжает он, – разочаровалось в максимуме и ждало с октября 1794 года изобилия от введения свободы торговли. Всеобщий максимум не защищался ни секциями, ни в якобинском клубе». «Давно уже максимум, которого так горячо желала и с такими усилиями получила рабочая масса в сентябре 1793 года, – отмечал Тарле, – сделался для нее бичом, проклятием, которое только отягощало ее

¹ См.: Якобинство в исторических итогах Великой французской революции // НиНИ. № 5. 1996. С. 82-83.

² Собуль А. Указ. соч. С. 177.

³ Ревуненков В.Г. Очерки по истории... С. 420.

⁴ Манфред А.З. Великая французская революция. С. 200.

⁵ Добролюбовский К.П. Экономическая политика... С. 248.

отчаянное положение»¹. Иными словами, совершенно недостаточно сказать о том, что Конвент отменил максимум, «уступая общему давлению со стороны имущих классов»², поскольку требование отказа от него было практически всеобщим.

С другой стороны, хотя падение курса ассигнатов действительно было стремительным, его нельзя напрямую связывать с возрастанием эмиссии. Добролюбский видит его причину исключительно в политике Конвента, «в отсутствии каких-либо противоядий против роста дороговизны»³. Однако, не отрицая ни роста цен, ни спекуляций, ни голода, он отмечает, например, что и при Терроре исключения из максимума давали возможность торговцам обогащаться⁴. Соответственно, и общая картина начинает выглядеть куда более многомерной, особенно если добавить к ней анализ, проведенный французским историком Ф. Энкером, который показывает, что «противоречие между либеральными убеждениями и необходимостью ограничить законом и действиями администрации инстинкты субъектов экономики, будь то во имя социальных или моральных императивов, будь то во имя экономического рационализма, который неспособны принимать во внимание стремящиеся к выгоде частные интересы, уже имела место в дебатах революционных ассамблей – до тех пор, пока экономическая политика революционного правительства не прервала на время этот процесс. Мы обнаружили в термидорианском подходе к денежным проблемам те же предложения и те же аргументы, что и в 1790-1791 годах»⁵.

Таким образом, если не воспринимать «термидорианскую реакцию» исключительно как привычное словосочетание, а попытаться рассмотреть его наполнение, выяснится, что этот термин, по сути дела, правомерно употреблять лишь в его первоначальном

¹ *Тарле Е.В.* Крестьяне и рабочие во Франции в эпоху Великой революции. Пг., 1918. С. 112.

² *Ревуненков В.Г.* Очерки по истории... С. 420.

³ *Добролюбский К.П.* Экономическая политика... С. 251.

⁴ Там же. С. 247.

⁵ *Hincker F.* Comment sortir de la terreur économique? // Le tournant de l'an III. Réaction et Terreur blanche dans la France révolutionnaire. Actes du 120e congrès national des sociétés historiques et scientifiques. Aix-en-Provence, 23-29 octobre 1995. P., 1997. P. 156-157.

значении. Термидорианский Конвент по многим направлениям действительно проводил политику, ставшую *реакцией* на Террор, на вмешательство государства в экономику, на политику монтаньяров в целом; часть того, что было сделано в 1793-1794 годах, с негодованием отторгалась. Однако в этом смысле и саму диктатуру монтаньяров можно назвать реакцией, например, по отношению к работе Учредительного и Законодательного собраний.

Кроме того, применение одной только черной краски при описании Термидора (или даже ее преобладание) оказывается совершенно неоправданным. И дело здесь отнюдь не в том, чтобы попытаться «обелить» термидорианцев. «Необходимо бороться с тенденцией, – пишет современный французский исследователь Ж.-И. Гийомар, – видеть в периоде 1795-1799 годов одну лишь реакцию. По многим направлениям революция углублялась и укоренялась»¹. Солидарны с ним и Ф. Брюнель с М. Рево д'Аллоне: «Начиная с анализа практической термидорианской политики, той, что в III году учредила либеральное государство, мы рассматриваем ее, как настоящее созидание (*création*)»².

Более того, возникает вопрос, насколько вообще оправдано употребление этого термина. Как считает та же Брюнель, этот период нельзя «ни сводить к “реакции”, ни определять эпитетом “термидорианский”, приписывающим ему искусственную отправную точку. Если бы не количество жертв, 9 термидора скорее представлялось бы не-событием»³. «Пробуждение было анархическим, жестоким, буйным, – отмечает П. Генифе, – однако, в то же время, сохранялись и рефлексy, и поведение общепринятые во время Революции; именно это неправильно именуют реакцией»⁴. «Очевидно, –

¹ *Guiomar J.-Y.* La démocratie // L'état de la France pendant la Révolution. P., 1988. P. 472.

² *Brunel F., Revault d'Allones M.* Jacobinisme et libéralisme. // Dix-huitième siècle. № 14. P., 1982. P. 103.

³ *Brunel F.* Thermidor. P. 127.

⁴ *Gueniffey P.* Le nombre et la raison. P., 1993. P. 477. Я ни в коем случае не утверждаю, что идеи Брюнель в целом сходны со взглядами Генифе, с которым она стоит на принципиально разных идеологических позициях. Речь идет лишь о характерном совпадении при определении понятия «термидорианская реакция».

подчеркивает С. Луццатто, – что революция сделала первые шаги по пути реакции до восстания парламента против Робеспьера, Кутона и Сен-Жюста. В определенном смысле слова, депутаты Конвента стали термидорианцами задолго до 9 термидора», если понимать под Термидором перегруппировку сил внутри правящей элиты¹. «Можно сказать, – замечает Б. Бачко, – что реакция начинается там, где антитеррористический реванш переходит границы закона, становится произволом и тем самым ставит под вопрос Республику и ее институты»².

Одним словом, как давно уже отметил А. Олар, «словосочетание “термидорианская реакция” мы употребляем поскольку так принято (*l'usage l'impose*), но надо сказать, что оно не подтверждается фактами»³.

Очевидно однако, что полагать, будто термины определены и дискуссия окончена, было бы преждевременно. Теперь же, поставив проблему и выслушав различные точки зрения, вернемся в 1795 год и посмотрим, что представляли из себя к тому времени Франция и Национальный конвент.

¹ *Luzzatto S.* Op. cit. P. 3.

² *Baczko B.* Thermidoriens. P. 433.

³ *Aulard A.* Le Régime politique après le 9 thermidor // *La Révolution française.* 1900. Vol. 38. №. 1. P. 6.